

Лысенко Светлана Юрьевна

ИНТЕРПРЕТАТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ТЕАТРЕ: РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ

В статье рассматривается проблема постановочной интерпретации текстов культурной традиции (оперы и балета) в современном музыкальном театре. Для анализа постановочных прочтений, решенных в эстетике постмодернизма, привлекаются такие понятия постнеклассической науки, как реинтерпретация и деконструкция. Впервые осуществляется сопоставление указанных понятий с целью выявления их функциональных возможностей для осмысления художественного опыта современной музыкально-театральной практики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 115-118. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

CIVIC VALUES OF PEASANTRY OF WESTERN REGION OF RUSSIA IN THE 1920S

Vadim Vital'evich Kulachkov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Philosophy, History and Sociology
Bryansk State Engineering-Technological Academy
vad2517@yandex.ru

The author reveals the attitude of Russia Western region peasantry to civic values, which are understood as the totality of an individual's rights, freedoms and responsibilities in the society, in the 1920s. The peasantry of the Western region of Russia both before and after the revolution strived for the just resolution of arising conflicts. It was facilitated by the traditions of volost and community legal proceedings that after the revolution were expressed in conciliation courts activity. Peasants aspired to solve arising problems on their own to the best of their abilities, but "revolutionary legal consciousness" strengthened the contradictory attitude to the authorities.

Key words and phrases: peasantry of the Western region of Russia; revolutionary legal consciousness; courts of conciliation; justice.

УДК 792.5.09.01

Искусствоведение

В статье рассматривается проблема постановочной интерпретации текстов культурной традиции (оперы и балета) в современном музыкальном театре. Для анализа постановочных прочтений, решенных в эстетике постмодернизма, привлекаются такие понятия постнеклассической науки, как реинтерпретация и деконструкция. Впервые осуществляется сопоставление указанных понятий с целью выявления их функциональных возможностей для осмысления художественного опыта современной музыкально-театральной практики.

Ключевые слова и фразы: музыкальный театр; постановочная интерпретация; постмодернизм; реинтерпретация; деконструкция.

Светлана Юрьевна Лысенко, к. искусствоведения, доцент
Кафедра теории и истории музыки и инструментального исполнительства
Хабаровский государственный институт искусств и культуры
lsy773@mail.ru

**ИНТЕРПРЕТАТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ТЕАТРЕ:
РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ[©]**

Современный музыкальный театр демонстрирует огромное разнообразие форм сценического воплощения классических музыкально-театральных произведений. Объектом многочисленных экспериментов, реставраций, возобновлений, режиссерских и балетмейстерских провокаций становятся наиболее репрезентативные жанры музыкального театра – опера и балет. Сосуществование противоположных по отношению к авторскому тексту позиций в едином художественном пространстве отражают сложные, подчас полифонические процессы, происходящие в современном искусстве и, по мнению исследователей, являются характерной чертой постмодернистской художественной парадигмы. В современной музыкально-театральной практике все большее значение приобретает тенденция возврата, возобновления предшествующих художественных форм, уходящих в «обратную» историческую перспективу. Свидетельство тому – аутентичные музыкально-сценические постановки, способствующие погружению современных слушателей-зрителей в эпоху создания, балетные спектакли-реконструкции, стремящиеся возродить хореографическое искусство признанных мастеров, спектакли-возобновления, ставящие целью реставрацию музыкально-сценического синтеза премьерных постановок. Другая тенденция отражает стремление постановщиков включить классический опус в новый, современный художественный и социальный контекст, актуализировать иной художественный опыт реципиента, значительно обогатившийся со времени создания произведения, «нарастить» смысловой потенциал авторского текста, спровоцировать нарушение ожидания при восприятии, сформированного традицией. Подобное стремление к «обновлению», «переконструированию», «пересмотру», «смысловой трансформации» первоисточника актуализирует проблему взаимодействия классического опуса и его сценического посткультурного «прочтения». Наиболее напряженно, динамично обозначенный диалог между автором и интерпретаторами, традицией и ее переосмыслением, «данном» и «созданным» (М. Бахтин) осуществляется в рамках таких интерпретаторских стратегий постмодернизма, как деконструкция и реинтерпретация. Выявление их функциональных возможностей для осмысления

художественного опыта современной музыкально-театральной практики в ракурсе сопоставления с понятием художественной интерпретации и станет основной задачей статьи.

Деконструкция (термин Ж. Деррида) в рамках текстологической концепции постмодернизма предстает как особая стратегия понимания текстов культурной традиции, основанная на принципиально множественном переосмыслении исходного текста, и осуществляющая сознательную провокацию с целью обострения противоречий между авторскими намерениями, семантическими структурами текста и интерпретаторским пониманием. Нарушая гармонию в отношениях автора и реципиента, всякая деконструирующая деятельность создает особую «зону» напряжения в момент «демонтажа» «старой» смысловой структуры в точках семантического ветвления текста и конструирования иных смысловых отношений. Устойчивая смысловая конструкция, каковой в понимании представителей допостмодернистской научной рефлексии обладал авторский текст или чья-либо состоявшаяся интерпретация, центр смысловой структуры, функцию которого Ж. Деррида видит гарантом ограничения свободной игры структуры [3, с. 47], подлежат расшатыванию, раздроблению («деструктурированию») и семантическому распылению («рассеиванию»). Это неизбежно влечет за собой нарушение привычных ожиданий, сложившихся в опыте предшествующих интерпретаций. Такая позиция ориентируется в первую очередь на смысловое различие (в формулировке Ж. Деррида – на различие), а не на тождество. Для деконструктивистов важно подвергнуть сомнению некое устойчивое значение, тождественность смыслового центра, обнаруженного в различных контекстах (интерпретациях). Взамен актуализируются текстовые отсылки к бесконечному множеству контекстов всей совокупности текстов культурной традиции, как в прошлом, так и в будущем изменяющему смысл текста. Осуществляя «систематическое порождение различий» (Ж. Деррида), деконструкция лишь подчеркивает, что в тексте (как и в его знаке) сосуществует множество не тождественных, но вполне равноправных смысловых инстанций, которые, по мнению Г. Косикова, оставляя друг на друге следы, друг друга порождая и друг в друге отражаясь, уничтожают само понятие абсолютного (устойчивого) смысла [5, с. 37].

Обозначенные процедуры и признаки, характеризующие деконструкцию как текстологическую и коммуникативную стратегию, выявляют ее близость с такой категорией современного искусствознания, как *реинтерпретация*. Отметим, что, как и деконструкция, опыт реинтерпретации провозглашает переосмысление традиции и является результатом обновления стратегии понимания классических текстов, разрушающего интенцию ожидания при восприятии. Реинтерпретация, осознаваемая исследователями как особая интерпретаторская стратегия в постмодернистском художественном опыте, содержит сознательную провокацию, активизирующую ситуацию диалога, актуализирует различие, а не тождественность (узнавание) в работе с моделью авторского текста, сочетает в себе возвратные (реконструктивные) тенденции и базовые (основополагающие) признаки творческого новаторства, преодоления традиции.

Термин «реинтерпретация» введен в терминологический обиход искусствознания П. Волковой для анализа и оценки современного художественного опыта, приобретенного в рамках постмодернистской парадигмы [1]. Исследуя постмодернистские художественные тексты, ориентированные на кардинальное переосмысление классических произведений, и ставя перед собой задачу поиска критериев оценки и методологии анализа таких текстов, нарушающих прежние процедуры художественной интерпретации, исследователь обращается к современному научному опыту филологии, философии и искусствознания. Адаптируя филологический термин «реинтерпретация», понимаемый как частный случай интерпретации, нарушающий интенции ожидания (В. Демьянков), как интерпретация, ориентированная на различие, а не на соответствие (В. Беньямин), П. Волкова, выстраивая логику сопоставления понятий «интерпретация» и «реинтерпретация», значительно углубляет данную категорию и актуализирует ее для анализа произведений искусства. Остановимся на тех выводах, к которым приходит исследователь, дополнив их собственными наблюдениями, основанными на сравнительном анализе реинтерпретации и деконструкции.

1. Реинтерпретация осмысливается и как универсальная стратегия современного художественного творчества, и как метод «сотворения» постмодернистского опуса, тем самым актуализируя принадлежность феномена реинтерпретации к сфере создания художественного опыта. Данная характеристика, на наш взгляд, отличает ее от деконструкции, изначально возникшей как аналитическая стратегия понимания текстов и лишь со временем осознанной в качестве специфической творческой процедуры, способной реализоваться в конкретных художественных приемах при создании новых художественных текстов.

2. Понятие реинтерпретации, как и деконструкции, включает в себя взаимоисключающие значения. В уже сложившиеся представления о процедуре интерпретации латинская приставка «*re*», которая, как правило, переводится как «возобновление», «восстановление», «воссоздание», привносит и другие смысловые обертоны, связанные с противоположными по смыслу лексемами «противодействие», «возражение», «подавление» [6]. В этом ракурсе стратегия реинтерпретации предстает как непрерывный процесс переосмысления традиции через ее одновременное восстановление и разрушение, возражение и отражающее преломление, возрождение и подавление [1, с. 66]. В качестве универсального метода работы с художественным материалом реинтерпретация понимается как одновременное сосуществование традиции и новаторства, иконоборческого и охранительного, авангарда и его антипода [Там же, с. 80]. Смысловая составляющая приставки «*re*», связанная с лексемой «воссоздание» и привносящая охранительные тенденции в процедуру реинтерпретации, становится, на наш взгляд, ее отличительным признаком в сравнении с деконструкцией, в стратегии которой работа с традицией осуществляется в игровом ключе, не предполагающем сохранение смысловой конструкции оригинала как узнаваемой модели.

3. В сравнении с художественной интерпретацией, являющейся вторичной художественной деятельностью по отношению к авторскому творчеству (Е. Гуренко, см.: [2]) и стремящейся сохранить авторский текст как систему, реинтерпретация направлена на воспроизведение классического образца лишь на уровне элемента новой системы. Подобная стратегия, по мнению П. Волковой, актуализирует первичный характер новой художественной деятельности и заново формирует понятие истины во вновь рожденной художественной системе, в результате чего первоисточник, послуживший «точкой опоры» в работе художника-реинтерпретатора, подвергается тотальному переосмыслению [1, с. 53]. В этом смысле, как представляется, реинтерпретация тождественна деконструкции, художественные тексты которой отличает оригинальность, новизна, характеризующие авторский творческий процесс, первичную художественную деятельность. Полагаем, что в отношении реинтерпретации выражение «автор реинтерпретации» является более убедительным, нежели в отношении художественной интерпретации.

4. Если художественная интерпретация способствует гармонизации отношений между автором художественного оригинала и реципиентом в процессе восприятия, то реинтерпретация стремится внести дисгармонию в их отношения. Подобная установка является результатом сознательной художественной провокации со стороны реинтерпретатора, которая, подчеркнем, является не целью, а средством актуализации «диалога сознаний» для последующей (финальной) гармонизации отношений «данного» и «созданного». Такая позиция позволяет исследователю сделать вывод об изначальной установке реинтерпретации на необходимость деятельного сотрудничества со стороны субъекта восприятия, который из стороннего наблюдателя превращается в одного из участников диалога [Там же, с. 66]. Следует отметить, что подобная позиция перекликается с деконструктивистским пониманием читателя как соавтора, с концепцией «идеального» читателя, осмысливаемого теоретиками постмодернизма в оппозиции «наивному» читателю.

Позволим себе продолжить рассуждения П. Волковой и осмыслить в рамках реинтерпретаторской стратегии авторский процесс создания текста. Если понимать реинтерпретацию как деятельность, имеющую обратный («возвратный») характер и направленную на дисбалансировку гармоничных отношений между современным художественным опытом и культурной традицией, то возможно допустить наличие и «встречной» художественной провокации (осознанной или неосознанной) со стороны автора текста, в оговорках, паузах, «разломах» смысловых конструкций которого содержатся сигналы, «взывающие» к конструктивному диалогу со стороны интерпретаторов. В этом смысле, как полагаем, векторы стратегий реинтерпретации и деконструкции могут быть осмыслены как однонаправленные.

5. Базовым методом реинтерпретации признается интертекстуальный анализ, позволяющий осуществлять диалог «данного» и «созданного». Однако если для деконструкции, признающей «авторитет письма», понимание подобного диалога фокусируется на взаимодействии со всей совокупностью текстов культурной традиции (интертекстуальность в прямом смысле слова), то реинтерпретация, постулирующая «авторитет автора», осмысливает интертекстуальность как диалог сознаний (интерсубъективность).

Особенно ценным в русле рассматриваемой нами проблемы взаимодействия классических текстов и их интерпретаторских художественных прочтений представляется предложенный исследователем алгоритм анализа опыта реинтерпретации в тех постмодернистских опусах, которые ориентированы на переосмысление текстов культурной традиции. Этапы процедуры такого анализа включают осмысление исходного классического текста, сравнительную характеристику авторского первоисточника и нового текста, осуществляемую на уровне диалектики части и целого, а также актуализацию концептуальной информации реинтерпретирующего текста через обращение к риторическому канону как аналогу системного анализа деятельности [Там же, с. 12]. Обращаем внимание, что в предложенном П. Волковой алгоритме анализа высока мера соотнесенности с авторским текстом, что чрезвычайно важно для осмысления конструктивности диалога «данного» и «созданного» в современных музыкально-театральных постановках.

Таким образом, реинтерпретация и деконструкция, представленные как особые стратегии современного переосмысления культурной традиции, легко «встраиваются» в предлагаемую нами логическую цепь, отражающую историческую динамику взаимодействия интерпретаторов с классическими художественными образцами.

1. Атрибуция (термин Р. Арнхейма) - установка на «документальное» воспроизведение, репрезентация художественного текста как готового, замкнутого результата творческого процесса, «локализация произведения в пространстве и времени культуры» [Цит. по: 4, с. 153], бережное сохранение исходного авторского замысла, стремление максимально приблизиться к исходному авторскому смыслу.

2. Художественная интерпретация - сотворчество, реализация в реальном художественном опыте встречных смысловых интенций – авторских, текстовых и интерпретаторских, синтез смысловосоздания и смыслопорождения, реконструкции авторского замысла и его обновления, с сохранением системности текста оригинала, ориентацией на его узнаваемость, «авторитет автора» интерпретируемого текста, демонстрация признаков вторичной художественной деятельности.

3. Реинтерпретация - творчество, создание нового художественного опуса на основе кардинального переосмысления исходного образца с сохранением целостности его риторики, риторической программы его творца, «авторитета авторства» - и автора текста, и автора интерпретации, присутствие ясно распознаваемых признаков первичной художественной деятельности, наличие в новом опусе-реинтерпретации художественно-концептуальной целостности.

4. Деконструкция - аналитическая процедура и творчество, авторитет письма, отказ автору в индивидуальности (оригинальности), в обладании единственно верным правильным смыслом, возможность обнаружения и реализации смыслов, автором не предусмотренных, обнаруженных интерпретаторами-

деконструктивистами в «складках» текста или привнесенных ими посредством отсылок ко всему культурному опыту человечества, осмысление исходного текста как безгранично открытого, разрушающее идею о целостности классических культурных образов, принципиальное избегание смысловой однозначности нового текста, рожденного в процессе деконструкции.

Обобщая изложенное, подчеркнем, что всякая схематизация имеет высокую меру условности, тем более в сложном переплетении концепций, терминов, идей в научном и художественном пространстве постмодернизма. В ходе наших рассуждений реинтерпретация неоднократно обнаруживала признаки деконструктивной работы с «первоисточником», в первую очередь, как полагаем, на начальном этапе «приближения» к авторскому тексту, «разборки» и «сборки» его смысловой конструкции. В свою очередь, деконструкцию, как и реинтерпретацию, отличают первичный характер художественной деятельности, игровой сплав традиции и обновления, возвращения и подавления, восстановления и разрушения, трансформация смыслового развертывания идеи исходного текста, стратегия интертекстуальности и др.

Наши предпочтения понятию «реинтерпретация» в ряду других терминов (в первую очередь термина «деконструкция») для анализа результата взаимодействия авторского текста и его постмодернистских постановочных переосмыслений обусловлены следующими соображениями:

1. Благодаря оппозиционированию понятию «художественная интерпретация» (по П. Волковой), термин «реинтерпретация» восстанавливает смысловую определенность указанной категории, активно размываемую в постмодернистской науке различными интерпретаторскими стратегиями.

2. Реинтерпретация, как было показано в фундаментальном исследовании П. Волковой, осмысливается в первую очередь как опыт современного художественного творчества, в то время как деконструкция - ведущая стратегия постмодернистской парадигмы – в большей степени является аналитической процедурой. Подчеркнем, что постановочная интерпретация представляет собой разновидность художественного творчества, а потому понимание ее как особой формы современного художественного опыта представляется более продуктивным в плане анализа характера его взаимодействия с текстами культурной традиции.

3. Реинтерпретация восстанавливает интересубъективную природу диалога как способа взаимодействия сознаний, стремящихся к пониманию, она ближе пониманию диалога М. Бахтиным. Такая позиция возвращает нас к рассуждениям об интерпретации как понимании, текст вновь предстает как со-бытие, а «этапами диалогического движения понимания» (М. Бахтин) в аспекте избранной темы становятся авторский текст (исходная точка) – прошлые контексты (движение назад) – будущие интерпретаторские прочтения (начало будущего контекста).

4. Реинтерпретация, признающая «авторитет автора», дает возможность с большей мерой определенности осознать и сформулировать некие критерии в определении границ свободы интерпретаторов, «демаркационных линий» интерпретаторских процедур, для аксиологических подходов - критерии оценки состоятельности диалога «данного» и «созданного» (см. об этом: [1]).

5. В понятии «реинтерпретация», по нашему представлению, акцентируется созидательный смысл, в то время как в термине «деконструкция» благодаря предположенности лексемы «**de**» конструктивные смысловые составляющие затеваются, и актуализируются дестабилизирующие смысловые компоненты термина, что, на наш взгляд, в ситуации диалога с авторским текстом изначально нарушает диспозицию «данного» и «созданного».

Список литературы

1. Волкова П. С. Реинтерпретация художественного текста (на материале искусства XX века). Краснодар: ООО Издат. дом «ХОРС», 2008. 200 с.
2. Гуренко Е. Г. Проблемы художественной интерпретации: философский анализ. Новосибирск: Наука, 1982. 256 с.
3. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе наук о человеке // Современная теория литературы: антология / сост., пер., прим. И. В. Кабановой. М.: Флинта; Наука, 2004. С. 46-68.
4. Казанцева Л. П. Понятие исполнительской интерпретации // Музыкальное содержание: наука и педагогика: мат-лы III всерос. науч.-практ. конф. (26-29 апреля 2004 г.). Уфа: РИЦ УГАИ, 2004. С. 149-156.
5. Косиков Г. К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 3-45.
6. Фокин А. А. Поэтическая реинтерпретация как метод освоения иноязыковой реальности [Электронный ресурс]. URL: <http://science.ncstu.ru/articles/hs/07/lingv/54.pdf/file> (дата обращения: 05.10.2012).

INTERPRETATION STRATEGIES OF POSTMODERNISM IN CONTEMPORARY MUSICAL THEATER: REINTERPRETATION AND DECONSTRUCTION

Svetlana Yur'evna Lysenko, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Department of Music and Instrumental Performance Theory and History
Khabarovsk State Institute of Arts and Culture
lsy773@mail.ru

The author considers the problem of texts stage interpretation in cultural tradition (opera and ballet) in contemporary musical theatre, for the analysis of stage readings, performed in the aesthetics of postmodernism, involves such postnonclassical science notions as reinterpretation and deconstruction, and for the first time conducts the comparison of these notions in order to reveal their functional capabilities for the comprehension of the artistic experience of modern music-theatre practice.

Key words and phrases: musical theatre; stage interpretation; postmodernism; reinterpretation; deconstruction.